

Взаимная ответственность и солидарность

Макс Неттлау

1924

Оглавление

***	6
***	9

В этой статье я хочу поднять важный вопрос о некоторых новых видах и формах борьбы в рабочем движении. На данный вопрос, насколько мне известно самому и приходилось слышать от других, до сих пор было обращено недостаточно внимания. А между тем желательно, чтобы анархисты обсудили его тщательно и высказались бы, в какой мере здесь предлагаемые способы целесообразны для достижения полного освобождения, и стоит ли нам, анархистам, защищать их.

По моему убеждению, рабочее движение развивается очень медленно. Мрак невежества и застарелые предубеждения народных масс так еще всесильны, что самые ясные мысли и до наглядности простые истины, легко доступные каждому из нас, остаются чуждыми и недоступными громадному большинству; сомнительно даже, чтобы народные массы могли усвоить их без фактического их применения к действительной жизни. Даже в странах, где эти применения к жизни до известной степени осуществлены, где экономическая солидарность рабочих доказана не на словах, а действительной материальной выгодой, хотя и не очень значительной, — как, например, в тред-юнионах (английских рабочих союзах) и в кооперации, — массы народные до сих пор остаются чуждыми им, несмотря на целое столетие пропаганды и агитации.

Верен или нет этот пессимизм, во всяком случае он вызывает полезное стремление найти новые приемы для большего усиления борьбы пролетариата, и даже были предлагаемы, даже пробовались за последние годы, некоторые виды такой борьбы. Так, например, делаются попытки организовать всеобщую стачку, стачку военных, международную стачку рудокопов, устраивать массовые походы рабочих без работы и стачечников на столицы, как то было несколько лет тому назад в Соединенных Штатах и в последнее время во Франции; некоторыми французами предлагается саботаж, или медленная и плохая работа, «go саппу» («работай исподволь»), как выражаются англичане. С другой стороны, пытаются воспользоваться существующими рабочими организациями для непосредственного экономического осуществления солидарности, как то видно в нескольких устроенных кооперативных колониях, в совместном действии потребительных обществ и тред-юнионов, в устройстве «бирж труда» для прямого обмена продуктов вольного труда по американской системе.

Со своей стороны, и я беру на себя смелость указать еще на некоторые приемы действия, по отношению к которым анархистам следует держаться той же тактики, какой они держатся относительно выше перечисленных, а именно, содействовать им на деле, но — сохранять в чистоте пропаганду наших принципов и социального строя, основанного на свободе личности в свободном обществе.

Одновременно с пропагандой анархических идей и истинно революционной борьбы следовало бы всеми силами пробудить в народе сознание свободы и личного достоинства, взаимной солидарности и желание жить согласно этому сознанию. Особенно важно, чтобы люди сознали, как тесно связаны между собою эти начала. Без такого сознания свобода и личное достоинство, истолкованные поверхностно, могут породить личную деятельность исключительно ради своей индивидуальной выгоды, даже в ущерб товарищам; а что касается до взаимной солидарности без свободы и личного достоинства, то современный строй, с его возмутительными учреждениями, с его конкуренцией, патриотизмом, религией, политическими партиями

и прочее, есть тоже плод компактного единства большинства невежественных масс. Поэтому, полное и сознательное представление о неотделимости свободы от солидарности становится обязательным, особенно в виду того, что люди с подобным передовым пониманием, конечно, будут восприимчивее к нашим воззрениям.

.Мне кажется, это положение может быть принято за основное, за своего рода пробный камень при выборе средств и приемов действия, при чем последние должны быть, по возможности, приспособляемы к нему.

Но прежде чем приступить к изложению моего доклада, мне следует оговориться по двум пунктам, в которых, мне кажется, я немножко еретик относительно господствующих экономических воззрений, — во всяком случае, относительно обычных доводов, употребляемых в агитации. Мои последующие выводы основаны на этих двух пунктах.

Первый пункт касается так называемой публики, значение которой в рабочем движении, по-моему, было мало оцениваемо. Члены данного ремесла организованы и упорно борются за улучшение их экономического положения; то же самое делают хозяева, которые могут быть вынуждены на уступки труду удачными стачками, или единодушным и сильным тред-юнионом. Но потребители продуктов ремесла, обыкновенно, вовсе не организованы и не делают ничего для ограждения своих интересов потребителей, для получения лучших продуктов по наименьшей их стоимости. Вследствие этого, капиталисты стараются, да и успевают, вернуть свою сумму, уступленную ими труду, усиленную эксплуатацией неорганизованного потребителя. Как известно, рабочие нимало не думают о публике и ее интересах в ее борьбе с капиталом, а это неизбежно ведет либо к повышению цен на продукты, либо к ухудшению их достоинства. Таким образом, публика платит из своего кармана капитализму всю сумму, которая бывает вырвана у него борющимися рабочими.

А из кого, спрашивается, состоит публика? — Из потребителей, конечно. Одна часть их состоит из людей достаточных и богатых, для которых повышение цен на продукты имеет малое значение, и мы в нашем анализе, можем оставить их в стороне. Другую и гораздо более многочисленную часть составляют люди малых достатков и бедняки. Для них повышение цен означает лишения, обрезывания расходов, а часто и обеднение. Многие из них, убежденные социалисты и анархисты, с удовольствием несут возросшее бремя, зная, что «оно есть результат успеха товарищей рабочих; другие готовы терпеть это повышение по чувству солидарности и по любви к справедливости: не даром мы возлагаем все наши надежды на лучшее и светлое будущее. Но было бы большой ошибкой предполагать, что и та часть народных масс, которой не коснулись ни прогрессивные идеи, ни возвышенные чувства, питает в этом случае симпатию к организованному труду. Если бы этой массе не были чужды прогрессивные идеи, — разве современный строй мог бы долго просуществовать?! Их отсутствию я и приписываю, что масса не только остается безучастной к победам организованных рабочих, но, может быть, встречает их даже враждебно. Вообразим себе, например, семейного чернорабочего, сочувствующего стачке углекопов и охотно подписывающего несколько пенсов на поддержку ее. Вряд ли его жена, которой приходится еле-еле сводить концы с концами по их грошовому хозяйству, будет вполне разделять его симпатию, так как при том же заработке мужа ей придется по-

купать уголь по очень возросшей цене. Если при этом между ними не будет прямого разлада, то особенного согласия тоже быть не может.

Таким образом, стачки этого рода в общем ничего не изменяют экономически и нравственно, даже в случае победы стачечников. Денежная уступка хозяев взваливается на плечи потребителей и тяжелее всего чувствуется беднейшим из рабочих; и нравственный подъем духа у стачечников и их энтузиазм вполне уравновешивается сетованиями и глухой враждой действительных плательщиков выигрыша.

Поэтому было бы хорошо и полезно найти средства заинтересовать большинство рабочего населения в материальных выгодах стачки, а не ограничиваться одной нравственной стороной дела. Раз заинтересованные материально, потребители могут помочь стачке гораздо существеннее, чем сборами и симпатиями: они, как потребители, могут наложить бойкот на хозяев, — всемогущее средство в экономической борьбе. Таков мой первый пункт.

Вторая моя ересь касается ответственности рабочих за исполняемую ими работу. Об этой ответственности до сих пор не было и речи. Принято считать честным всякого, кто работает за жалованье, не разбирая, что именно он делает. Нет, кажется, такого низкого и презренного вида труда, который вызвал бы угрызение совести у людей, им занятых. Не говоря о возмутительном соперничестве людей всяких профессий и общественных положений, заявляющих желание занять место палача, — разве не самое задушевное стремление многих стать в один прекрасный день полицейским? И не полицейских ли с солдатами откармливают простодушные кухарки и другие нищие духом? Английские солдаты, например, вербуемые добровольно, знают очень хорошо, что их назначение вовсе не «защита родины», на которую никто и не думает нападать, а что им придется усмирять — то бунт их бедных сограждан, то восстания плохо вооруженных дикарей, и что усмирять эти бунты и восстания им следует самым беспощадным и кровавым образом, дабы задушить их в зародыше и помешать им распространиться. И молодые люди без угрызения совести поступают добровольно на эту службу полицейского и палача, и никому не придет в голову постыдиться водить дружбу с солдатом. Точно также никогда не бывало недостатка в сборщиках податей, арендных и квартирных денег, или в поземельных агентах в Ирландии, ни в их судебных крючках и сутягах. А общественное мнение, падкое на разглагольствования о человечности и о цивилизации, как бы не замечает присутствия в нашей среде этих хищников, а если и вспоминает о них, то разве для того, чтобы пожалеть об них, как о неповинных жертвах.

Но и этого мало. Названные хищники, в конце концов, считаются единицами или десятками, тогда как вредными ремеслами и производствами занято несравненно большее число людей, которых никто и не думает укорять в этом. Здесь я имею в виду громадное число рабочих, занятых постройкой скверных домов, выделкой плохой одежды, дурной пищи и так далее, и тем самым отравляющих жизнь и понижающих умственную деятельность и энергию организма их же собственных товарищей рабочих.

В самом деле, кто строит трущобы и — что еще хуже — кто их постоянно поддерживает замазывая, подпирая, подкрашивая? Кто шьет скверное платье и приготовляет отвратительную пищу и напитки, — продукты покупаемые исключительно бедняками? И кто, в довершение всего, сбывает, навязывает их бедноте со всевозможными ухищрениями, со лживыми уверениями и прямо обманом после того, как другие подмазали и подчистили их снаружи, лишь бы сбыть с рук? Все это проделывается взрослыми, добросовестными, хорошо организованными и всеми уважаемыми строителями, ткачами и приказчиками; хотя, конечно, делают они это по приказанию и по требованию капиталистов, и единственно для их выгоды. По моему, особенно возмутительно тут то, — и я не нахожу этому факту оправдания, — что до сих пор никто не только не пытался уничтожить это зло, но даже никому не приходило в голову изучить или хотя бы констатировать его.

А все, в сущности, сводится к давнишним оправданиям, что, мол, «моя хата с краю». «Я обязан работать; у меня нет другого выбора». «Если не я, так кто-нибудь другой это сработает». «Мне от этого нет выгоды; и сам бы я рад работать над чем-нибудь действительно полезным». «Не моя в том вина; ответ на хозяине, приказавшем мне так работать».

По моему мнению, пока подобные лицемерные и грошовой увертки будут признаваться правильными, все будет идти по старому, и лучшему, светлому будущему никогда не осуществиться. Согласно с этими взглядами, капиталистам всегда удастся иметь одну часть рабочих для угнетения другой половины. Капиталисты могут еще очень долго держать массы в умственном и нравственном унижении, в состоянии истощения, дряблости и неведения даже о существовании самых высших наслаждений жизнью: мрачная и подавляющая обстановка, отвратительное питание организма, ослабляя мозговую деятельность, мешают развитию энергии в массах. И все эти условия создаются самими же рабочими, непосредственно и лично страдающими от них вместе с другими. Как прямое убийство, хотя бы солдатами стачечников, так и косвенное убийство производством отвратительной пищи, ужасных жилищ и прочее, над чем работают сами же потребители и чем они губят других рабочих, — и то и другое одинаково пагубно и должно быть признано таковым прежде всего, даже раньше, чем думать об общественной реформе.

Это и есть то, что я разумею под ответственностью рабочих за продукт их труда. Я даже прибавлю, что отсутствие подобного сознания о нравственной ответственности одинаково унижают как рабочих, так и их жертвы. Никто не станет отрицать, что полицейские и солдаты нравственно изуродованы их гнусным ремеслом охотников на людей, коварно убивающих издали. Я без стеснения заявляю, что то же самое происходит с рабочими ремесел, занятых недобросовестным производством. Возьмем, например, водопроводчика, уверяющего всех и вся, что он чинит водопроводные и сточные трубы, хотя в действительности он и не думает об их починке; или возьмем приказчика, целый день навязывающего покупателю не тот товар, который нужен последнему, а тот, от которого он сам хочет избавить хозяина, потому ли, что товар залежался, или потому, что на нем выручается больше барыша. Не думаю, чтобы характер этих людей, как бы честны, трудолюбивы и добросердечны они ни были при начале, мог улучшиться от такой практики; вероятнее, что они станут скорее черствыми и равнодушными, чем чуткими и отзывчивыми. Точно также и толпы производителей продуктов низшего качества не могут быть заинтересованы в их собственном труде. А человек не может жить без интереса к своей работе, — без этого его способности глоснут, мозг тупеет и, в конце концов, он не будет в состоянии думать ни о свободе, ни о восстании против несправедливости, а еще меньше об их выполнении. Сравнив подобных людей с описанными Вильямом Моррисом в «Возрождении Ремесел», «Вести Ниоткуда» и других произведениях, станет ясно, что я хочу сказать.

Таким образом, каждый обречен быть жертвой указанного отношения к труду, как всякий, кто действует против интересов общества, рано или поздно становится жертвою своих собственных поступков. Всякий рабочий презирает шпионов и доносчиков; большинство из них презирают заместителей стачечников; и до тех пор, пока не установится подобного же отношения ко всем, занятым производством, вредным для общества, пагубным для их же собратий рабочих, — мало надежды на будущее.

Таково мое второе предварительное положение. Теперь я приступаю к моей основной мысли, в изложении которой я могу быть очень краток, благодаря этим вступительным объяснениям.

Мне хотелось бы найти приемы действия, облегчающие народу усвоение настоящих понятий о свободе, о человеческом достоинстве, солидарности и нераздельности их интересов, об их единстве.

Подобные приемы могут быть выработаны, если только что нами указанные два элемента будут, как следует, применяемы на деле; если будет создана необходимость заинтересовать экономически общество (большинство всех рабочих) каждой стачки в такой мере, как в ней заинтересованы стачечники; и с другой стороны, если в рабочих будет пробуждено сознание ответственности перед обществом за характер и род ими исполняемой работы, и тем вызвана в них решимость не браться за вредящие человечеству производства.

Это возвысило бы чувство личного достоинства и самоуважения, чувство взаимной солидарности, и повело бы народные массы к желанной свободе, расположило бы их к восприятию нашей пропаганды, ибо в этом случае уже не будет существовать, как теперь, противоречия между идеалом и действительностью.

Практическое выполнение такой задачи, по моему, требует, чтобы рабочие, отказавшись выполнять работу, вредную для общества, в то же время выступали с объяснением к самому обществу, насколько оно обмануто, как страдают его интересы. Что же до сочувствующих стачке, то их долг звать общество на поддержку подобной стачки, защищающей его интересы, и стараться вызвать симпатию и организовать бойкот. Такая стачка будет прямым выигрышем и для общества, и для стачечников; если в ней кто пострадает, то, разумеется, капиталист, и на этот раз он пострадает фактически через понижение спроса, а стало быть прибыли. Конечно, этим еще не будет вырван с корнем существующий строй, как и вообще стачка не подрывает корней существующего порядка. Этого может достигнуть народ только решительным отказом работать на других, всенародной общей стачкой, социальной революцией. Но такой способ экономической борьбы может еще теснее связать рабочий класс; стачки потеряют их нынешний характер и станут делом общественным, и поддерживаться будут они не личными симпатиями отдельных лиц, в силу их идейной солидарности, как теперь, а в силу экономических общественных интересов.

На деле этот новый прием борьбы может принимать самые разнообразные формы. Лишь бы только он был усвоен тред-юнионистами и социалистами; а потом в практических попытках недостатка не будет.

Если, например, организованные строительные ремесла решили бы, что ни один их член не приложит рук ни к поправке, ни к постройке зловонных лачуг и трущоб для бедных и если в то же время они обратятся к обществу с разоблачениями вредного и губительного характера этих построек в санитарном отношении, — то вопрос о здоровых жилищах для бедных в больших городах был бы поставлен на обсуждение и разрешение несравненно резче и энергичнее, чем то делается теперь комитетами, митингами, прессою и агитацией. Нечему тут удивляться, если до сих пор народ остается безучастным к агитации по этому вопросу. Они видят воочию, что все остается по-прежнему; что их друзья и соседи, если они члены строительных ремесел, своими починками, заплатами и подмалевываниями увековечивают существование грязных лачуг и притонов нищеты и заразы. А с другой стороны, мелкие торговцы и приказчики, быть может, и сами-то живущие в этих лачугах, воздают лишь должное строителям, продавая им гнилую пищу и отравленные напитки. Они

других надувают и душат на пользу капитализму. Правда, иногда эти гнилые лачуги объявляются вредными рассадниками заразы, раздаются требования об их разрушении; но это обыкновенно происходит не по инициативе строивших и чинивших их, не по требованию их обитателей, а под давлением санитарных властей, старающихся оградить от опасности заразы, распространяемой этими логовищами бедноты, жилища богатых. У самих же жертв этой системы слишком ничтожно развито чувство личного достоинства и вполне отсутствует инициатива. Всеми силами надо стараться вызвать у них и то, и другое, и сознание о взаимной ответственности есть одно из средств для этого.

Пусть члены строительных ремесел Лондона решат не прикасаться ни одной рукой к бесчисленным гнилым лачугам Восточной и Южной части города. Одним этим решением был бы выдвинут на первый план не только вопрос о жилищах рабочих, но сразу был бы поставлен ребром вопрос о поземельной собственности и о ленд-лордах. Ответом публики на подобное решение было бы: «Долой наемную плату!» А приказчики могли бы помочь, отказавшись от дальнейшей продажи отравительной, испорченной пищи. Это могло бы вызвать у обитателей бедных кварталов желание поближе взглянуть на дома богатых и попристальнее присмотреться к доставке пищи в гавани и доки. Во всяком случае, явилась бы некоторая возможность отделаться от гнуснейших сторон жизни бедных кварталов, — а это чего-нибудь да стоит! — тогда как строительные ремесла вполне бы вознаградили себя за свою стачку заработками на постройках новых хороших домов и в здоровой обстановке.

Так могли бы отказаться и ткачи производить дрянные сукна из старых лоскутьев и гнилой шерсти. Даже меньшинство из них, те, кто заняты наведением ворса и лоску на эти сукна, достигли бы кое-чего уже простым отказом и заявлением публике о причине своего решения.

То же самое относительно химической техники, с ее адом производства свинцовых белил и подобных продуктов. Тут уже сама работа убийственна для организма и никакими соболезнаваниями и административными мерами делу нельзя помочь. Чтобы подобные мастерские могли когда-нибудь запустеть, следует стыдом и презрением преследовать тех, кто продает себя в них на смерть. Их следует стыдить, потому что они поддерживают своим трудом существование подобных заведений; а пока последние будут существовать, они будут притягивать к себе новые жертвы, часто даже не понимающие всей вредности своей работы.

Разве приказчики не добились бы от хозяев многих из своих требований, если бы они решили, что лгать перед покупателем ради хозяйской выгоды унижительно для их человеческого достоинства? Конечно, публика в этом случае стала бы за приказчиков и бойкотировала бы лавочника с его лавкою и скверным товаром. При теперешнем же положении дела в торговле — публике трудно сочувствовать приказчикам и рабочим. Мы можем соболезновать об их долгом рабочем дне, можем добродушно переносить раннее закрытие лавок, но мы хорошо знаем, что все наши симпатии не помешают приказчику всучить нам гнилую пищу за свежую, если того потребует хозяин.

Одним словом, как потребители, мы не можем сочувствовать слугам капиталистов, а так как в обоих случаях большинство состоит из рабочих, то они и остаются разби-

тыми на два враждебных лагеря, объединить которые удастся только практическим осуществлением взаимной солидарности.

Убеждение и чувство — прекрасные вещи, но они далеко не во всех случаях пригодны для этой цели.

Приведенными примерами моя основная мысль более или менее выяснена, хотя она ими не исчерпывается. Я вполне сознаю всю трудность почина в этом деле, почему я и предлагаю на первое обсуждение вопрос о взаимной ответственности. Раз данная мысль усвоена, хотя бы и немногими, неминуемо появятся желающие осуществить ее, сначала, быть может, даже неподготовленные и неорганизованные для практического действия. Движение может начаться самой ничтожной мастерской, рабочие которой могут побросать свои инструменты и решительно отказаться от продолжения вредного, противообщественного труда; или же оно может быть начато обычным порядком — через решение конгрессов и прочее. Во всяком случае, моя мысль является шагом вперед к альтруизму. Ведь мы презираем являющегося на работу во время стачки заместителя за его содействие хозяину в борьбе против своих товарищей, за его противообщественный поступок. Почему же мы делаем исключение и допускаем другое отношение к другим родам противообщественных поступков, как вредная для общества работа и тому подобным? Если часть рабочих с первого раза не усвоит подобного отношения, пусть сама публика установит его и действует согласно с ним.

Все это может показаться жестоким бессердечием. Но перед нами только два выбора: или быть сентиментальными и, не слушая голоса рассудка, соболезновать всякому, прощать все и вся, проливать слезы над убитыми и ранеными солдатами, над потерпевшими полицейскими при выполнении их обязанностей, или же быть логичными, и в таком случае мириться с господствующим характером отношений разве только в виду неподготовленности общественного мнения, над выработкой которого мы и должны работать. Игнорировать или прямо отрицать принцип ответственности возможно только при поверхностном сентиментализме или же при такой степени нравственной дряблости, когда люди готовы свалить вину со своей головы на чужую, вместо того, чтобы смело вдуматься в истину, хотя бы и нежелательную. Нежелательной я называю ее потому, что она увеличивает нашу подготовительную работу социального переворота; но ведь настоящий переворот и не может совершиться, пока люди останутся при нынешних отношениях.

Из всего сказанного легко видеть, что я предлагаю две вещи: во-первых, развитие сознания ответственности; а во-вторых, применение этого сознания к организации, так сказать, общественных стачек в интересах всего общества, как то было указано выше. Если окажется, что подобные стачки неосуществимы, следует искать иных способов применения этого сознания ответственности, верного в своей основе и могущего влиять благотворно. По моему глубокому убеждению — наносить какой бы то ни было вред своему ближнему по приказу капиталиста не простительно никому, и оправдание, что «я-де только орудие» прямо постыдно. Все это подстать мирящимся с существующим общественным строем, довольным своим положением слепого орудия капитализма и поработителей. Но те, кто, отрицая современный строй, в то же время совершают подобного рода противообщественные поступки,

являются, допустим, бессознательно, его пособниками, которым никогда не разбить его.

Мне хочется, чтобы люди стали прежде всего свободными умственно; потом, чтобы они отказались от работ, способствующих развитию нищеты и укреплению современного порабощения, и тем самым вызвали бы в массах ту широкую волну взаимной симпатии и солидарности, которая станет самым могущественным связующим началом в дальнейшей борьбе.

Важность экономической борьбы, по-моему, лучше ценится теми, кто сознает себя свободным и видит в свободе окружающих лучшую гарантию для своей собственной свободы. Если своим отказом работать на капиталиста они не положат конца современной системе, то, во всяком случае, они постараются не работать больше во вред себе подобным, не заботясь о том, отвечают ли последние немедленно взаимностью и солидарностью, а повинуюсь в своем решении лишь голосу совести и чувству личного достоинства. Таков настоящий способ действия анархистов: «делай сам то, что ты хочешь, чтобы делали другие».

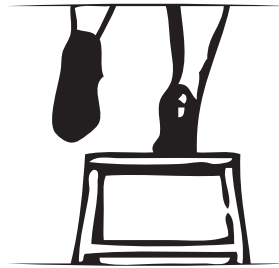
Люди, признающие политическое действие и власть, обыкновенно омывают руки от этого и всенародно провозглашают неизбежность вышеуказанного, чем они содействуют дальнейшему процветанию злоупотреблений, а вместе с тем — надеются, что кто-нибудь да совершит то, чего они сами не могут или не хотят делать. Но мы, отвергнувшие эти софистические тонкости в политике, обязаны отвергнуть их и в области социальных отношений в самом широком смысле слова, а потому мы и выдвигаем на первое место требование об ответственности каждого в исполняемой им работе.

Оговорюсь еще, что при обсуждениях этого вопроса слово «нравственность» должно быть употреблено не в том смысле, будто бы я требую от рабочих быть нравственнее. Не в этом смысле я употребил его. Я желаю рабочим быть прежде всего свободными и полными сознанием своего личного достоинства, самоуважения; а тогда уже их собственное чувство подскажет им решение отказа от всякого противообщественного дела, как теперь они отказываются стать доносчиками и паршивыми хозяйскими затычками во время стачек. Легко говорить: прежде всего уничтожим капитализм и современный строй, а тогда уже рабочие приобретут эти качества. Но, спрашивается, кто будет разрушать современный строй, когда мнимый закон Маркса, что капиталисты со временем поедят друг друга, нас больше не убаюкивает, как издавна убаюкивал социал-демократов?

В заключение повторяю, что у меня нет ни малейшего намерения уменьшать важность какого бы то ни было приема современной пропаганды, но мне было бы желательно, чтобы предлагаемый метод пропаганды был обсуждаем, особенно при встрече анархистов с тред-юнионистами. Это может, в конце концов, повести к превращению борьбы с тред-юнионистами из обыкновенной узко-ремесленной — в борьбу за общественное освобождение, что неминуемо вызвало бы симпатию всех свободных людей, которым дорога и свобода других.

1924.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Макс Неттлау
Взаимная ответственность и солидарность
1924

Сохранено 18 июля 2014 года из <https://avtonom.org/news/maks-nettlau-vzaimnaya-otvetstvennost-i-solidarnost-v-borbe-rabochego-klassa>

ru.theanarchistlibrary.org